

РЕКТОРЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ПРОТОІЕРЕЙ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(Изъ моихъ личныхъ воспоминаній).

Александръ Васильевичъ Горскій сдѣлался ректоромъ Академіи въ 1862 году, а умеръ въ 1875 году.

Я поступилъ въ Академію въ 1868 году и окончилъ курсъ въ ней въ 1872 году. По окончаніи академическаго курса я непосредственно оставленъ былъ при Академіи приватъ-доцентомъ и служилъ при Александрѣ Васильевичѣ въ качествѣ преподавателя Академіи три года. Значить, я зналъ Александра Васильевича и какъ студентъ и какъ его младшій сослуживецъ при Академіи. У меня сохранились объ Александрѣ Васильевичѣ самыя свѣтлыя воспоминанія и какъ о ректорѣ-руководителѣ и воспитателѣ юношества, и какъ о человѣкѣ высокой науки, высокой истинно-христіанской жизни, и какъ о выдающемся ученомъ, ставившимъ своей задачей развитіе въ Академіи строго научныхъ знаній.

Александръ Васильевичъ былъ прежде всего истинный, настоящій христіанинъ, который въ своей жизни и дѣятельности старался осуществить, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, высокій идеалъ христіанина. Это былъ человѣкъ необычайно добрый, кроткій и снисходительный въ отношеніи къ другимъ, всегда готовый помочь каждому и дѣломъ, и совѣтомъ, и всякою, особенно ученою, службою. Онъ совсѣмъ былъ лишенъ честолюбія и какого бы то ни было карьеризма. Если онъ сдѣлался ректоромъ Академіи, принявъ священный санъ, то не ради почетнаго поста и возможной послѣдующей карьеры,—онъ тогда бы принялъ монашество, отъ котораго онъ, однако, рѣшительно отказался. Александръ Васильевичъ, сдѣлавшись ректоромъ Академіи, хотѣлъ попрежнему, до конца дней своихъ, служить только академической наукѣ и воспитанію любимаго имъ академическаго юношества, и этимъ завѣтамъ онъ остался вѣренъ до самой своей смерти. Будучи нашимъ начальникомъ, онъ внушалъ намъ, студен-

тамъ, величайшее уваженіе и почтеніе къ себѣ какъ къ человѣку самыхъ высокихъ и широкихъ научныхъ знаній, соединенныхъ съ высокою христіанскою нравственностью, которою проникнута была вся его жизнь и практическая дѣятельность. Совершая какой-либо проступокъ, мы, студенты, не боялись наказанія или гнѣва на насъ Александра Васильевича; совершивъ проступокъ, мы просто стыдились даже показаться на глаза ректору, такъ какъ знали, что это крайне опечалить и огорчить его, вызоветъ у него не гнѣвъ или желаніе наказать виновнаго, а искреннюю скорбь и сокрушеніе, что его ученики и воспитанники дозволяютъ себѣ нехорошіе поступки, поэтому мы всегда старались быть въ его глазахъ лучшими, чѣмъ, можетъ-быть, мы были на самомъ дѣлѣ. Какъ искренно-сердечно, какъ истинно по-христіански относился къ намъ, студентамъ, Александръ Васильевичъ, это видно, напримѣръ, хотя бы изъ слѣдующихъ двухъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ бытность мою студентомъ.

У меня былъ товарищъ, студентъ Семенъ Акимовичъ Воронцовъ. Онъ былъ плохой студентъ, любилъ излишне и безвременно выпить и въ то же время былъ очень бѣденъ, и такъ какъ не имѣлъ родныхъ, своихъ денегъ у него никогда не было. Но Воронцовъ, который вскорѣ по выходѣ изъ Академіи умеръ, обладалъ однимъ замѣчательнымъ качествомъ: Господь наградилъ его прекраснымъ, чуднымъ баритономъ и умѣньемъ пѣть. Появившись въ Академіи, онъ сейчасъ же всталъ на клиросъ, и его чудный голосъ сразу обратилъ на него вниманіе Александра Васильевича. Узнавъ о бѣдности Воронцова, Александръ Васильевичъ призвалъ его къ себѣ, разспросилъ обо всемъ и сталъ каждый мѣсяцъ давать ему три рубля, сверхъ того давалъ ему особо на праздники Рождества и Пасхи.

Въ 1870 году я, хотя и москвичъ, остался говѣть на Страстную недѣлю въ Академіи и вмѣстѣ и на первый день Пасхи, чтобы посмотреть, какъ празднуется этотъ день въ Академіи. Въ мое время утрени въ Великую субботу въ Академіи начиналась, какъ и теперь въ лаврѣ, въ часъ ночи. Когда стали пѣть утрению, мы всѣ обратили вниманіе, что не слышать голоса Воронцова, и, значитъ, если его нѣтъ на клиросѣ, то его нѣтъ и въ церкви. Гдѣ же онъ въ такой великій день? Скоро, еще во время утрени, мы уже узнали, гдѣ находится нашъ товарищъ. Изъ церкви вызваны были двое студентовъ къ полицейскому, котораго прислалъ полицмейстеръ посада, чтобы заявить студентамъ слѣдующее: какой-то пьяный молодой человѣкъ, когда въ часъ ночи открыты были лаврскія ворота для прохода богомольцевъ въ лавру къ утрени, появившись въ этихъ воротахъ, велъ себя очень неприлично, за что былъ арестованъ и посаженъ въ камеру при полицейскомъ управленіи. Здѣсь онъ назвалъ себя студентомъ академіи Воронцовымъ,

Проф. Петръ Симоновичъ
Казанскій.

Проф. Александръ Феодоровичъ Лаш-
ровъ - Платоновъ, впоследствии архі-
епископъ Алексій.

Ректоръ Моск. Дух. Академіи прот.
Александръ Васильевичъ Горскій.

Проф. Дмитрій Феодоровичъ
Голубинскій.

Прсф. Николай Кирилловичъ.
Соколовъ.

почему г. полицмейстеръ и просить гг. студентовъ прійти въ полицейское управленіе посмотри́ть арестованнаго, и если дѣйствительно окажется студентомъ, то взять его съ собою въ Академію. Это дѣйствительно былъ Воронцовъ, о чемъ къ концу утрени всѣ мы уже знали. Возникалъ вопросъ: какъ намъ поступить въ данномъ случаѣ? Понятно, что ректоръ сразу замѣтилъ, что Воронцова нѣтъ на клиросѣ и, слѣдовательно, въ церкви, тѣмъ болѣе, что многіе пѣвчіе студенты уѣхали на Пасху домой, хоръ сильно сократился, и отсутствіе въ хорѣ голоса Воронцова рѣзко всѣмъ бросалось въ глаза. Нельзя было скрыть отъ ректора и того, что натворилъ Воронцовъ, такъ какъ полицейскій вызывалъ студентовъ изъ церкви черезъ швейцара, которому, конечно, рассказалъ, въ чемъ заключается данное ему полицмейстеромъ порученіе, швейцаръ рассказалъ другимъ и т. д. Рѣшили отправить къ Александру Васильевичу депутацію изъ трехъ товарищей и рассказать ему о случившемся. Когда Александръ Васильевичъ выслушалъ о Воронцовѣ, онъ заплакалъ и заявилъ студентамъ, что во всемъ этомъ некрасивомъ дѣлѣ виноватъ только онъ одинъ— ректоръ, что вина за все это дѣло падаетъ на него. И когда студенты съ недоумѣніемъ смотрѣли на плачущаго и обвиняющаго себя ректора, онъ пояснилъ имъ, почему вина въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ падаетъ именно на него: «Я,—сказалъ онъ,—вчера, въ шестомъ часу вечера, призвалъ къ себѣ Воронцова и далъ ему на праздникъ три рубля и тѣмъ ввелъ его въ такой великій день въ искушеніе. Вѣдь я хорошо зналъ, что Воронцовъ человѣкъ очень слабый, и долженъ былъ предвидѣть, что онъ, получивъ отъ меня деньги, можетъ немедленно отдаться своей слабости, какъ это дѣйствительно и случилось. Да, тутъ виноватъ я». Между тѣмъ Воронцовъ оправился и прекрасно пѣлъ на клиросѣ въ Свѣтлый день. Въ Академіи въ то время былъ такой обычай: въ церкви всѣ профессора и студенты христосовались съ ректоромъ, а по окончаніи обѣдни профессора шли въ квартиру ректора и тамъ разговлялись. Точно такъ же послѣ обѣдни и всѣ студенты немедленно шли въ квартиру ректора и собирались въ первой залѣ его квартиры, куда служитель выносилъ большую корзину, наполненную крашеными яйцами. Ректоръ выходилъ къ студентамъ, снова христосовался, надѣлая каждому крашенымъ яйцомъ. По окончаніи христосованья студенты обыкновенно уходили въ свою столовую, гдѣ и разговлялись. Я, похристосовавшись съ ректоромъ, сталъ въ сторонѣ, наблюдая церемонію. Мнѣ особенно хотѣлось видѣть, какъ отнесется Александръ Васильевичъ къ Воронцову, находившемуся съ нами. Вотъ дошла очередь до Воронцова, онъ подходитъ къ ректору подъ благословеніе. Тотъ привлекаетъ его къ себѣ, обнимаетъ, цѣлуетъ въ голову, лобъ и уста, при чемъ громко, радостно воскли-

даеть: «Христось воскресе! Другъ друга обьемемъ! Возрадуемся и возвеселимся!» при чемъ даеть ему не одно, какъ другимъ, а два яйца, и ни сейчасъ ни послѣ даже намекомъ не далъ ему знать, что онъ знаетъ о его проступкѣ.—Свѣтлый день, по мысли Александра Васильевича, долженъ былъ разливать на всѣхъ только одинъ свѣтъ и уничтожать всякія тѣни. Эта сцена произвела на насъ самое глубокое впечатлѣніе. Она и сейчасъ, какъ живая, со всей обстановкой, стоитъ передъ моими глазами. Такъ поступать, какъ поступилъ Александръ Васильевичъ съ Воронцовымъ, могутъ только дѣйствительно настоящіе истинные христіане, только настоящій дѣйствительный святой человѣкъ, какимъ я всегда и признаю Александра Васильевича. У него подобное отношеніе къ согрѣшающему было всегда только простымъ естественнымъ выраженіемъ его всегдашней христіанской настроенности, его всегдашней христіанской любви къ ближнему, пусть это будетъ даже виновный и только что согрѣшившій предъ нимъ, и такой могъ всегда найти у него слова любви и утѣшенія. Понятно, что подобныя отношенія Александра Васильевича къ студентамъ, никогда не дѣланныя и не искусственныя, а естественно вытекавшія изъ самой, началами христіанской любви проникнутой, его природы, производили на всѣхъ студентовъ воспитывающее и облагораживающее вліяніе; мы часто воздерживались отъ дурныхъ поступковъ не потому что боялись за нихъ кары и наказанія со стороны начальства, а потому, что боялись оскорбить и опечалить своего «папашу», какъ всѣ мы, студенты, обыкновенно звали Александра Васильевича. Его нравственное вліяніе на насъ было громадно и непререкаемо и не только во времена студенчества, но и послѣ.

Другой случай. У меня былъ товарищъ Н. Гр. Первухинъ (который уже давно умеръ), если не ошибаюсь, сынъ тверского протоіерея. Это былъ хорошій, живой юноша, который, сдѣлавшись студентомъ Академіи, очень радовался, что онъ можетъ располагать своими поступками по своему личному усмотрѣнію, какъ ему заблагоразсудится, впрочемъ, вовсе не думая при этомъ о чемъ-либо дурномъ или непозволительномъ — юноша былъ чистъ и даже нѣсколько ребячески наивенъ. Сдѣлавшись студентомъ, онъ почему-то поставилъ своею ближайшею задачей познакомиться съ окрестностями посада и особенно детально изучить всѣ тѣ окрестныя мѣстности, откуда нѣкогда поляки вели осаду лавры. Каждый день послѣ обѣда онъ отправлялся въ свои путешествія, не обращая вниманія ни на какую погоду. Дѣло было осенью, и Первухину приходилось путешествовать по непролазной грязи, по лужамъ и очень нерѣдко подъ дождемъ. Даже когда выпалъ снѣгъ, онъ продолжалъ свои экскурсіи и по снѣгу. Естественно,

что во время этихъ путешествій онъ иногда весь промокалъ и особенно промокали ноги. Результатъ такихъ непрерывныхъ путешествій получился для Первухина очень печальный: у него открылся очень острый ревматизмъ въ ногахъ, такъ что онъ принужденъ былъ лечь въ больницу, гдѣ нерѣдко плакалъ отъ нестерпимой боли. Александръ Васильевичъ имѣлъ обычай посѣщать больныхъ, особенно тѣхъ, которые вновь поступали въ больницу. Узнавъ о болѣзни Первухина, онъ сейчасъ же пошелъ въ больницу и вмѣстѣ съ фельдшеромъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Первухинъ. Послѣдній сталъ горько жаловаться на нестерпимую боль въ ногахъ, какую ему приходится испытывать. Въ отвѣтъ на эти жалобы Александръ Васильевичъ на этотъ разъ не остерегся, а сказалъ Первухину, хорошо зная причину его болѣзни: «А вы бы поменьше бѣгали, сидѣли бы дома, побольше занимались, тогда бы и не хворали, а то человѣкъ зачѣмъ-то постоянно бѣгалъ, вотъ за это и наказанъ». Услышавъ этотъ упрекъ, Первухинъ неожиданно заплакалъ и сталъ говорить Александру Васильевичу: «Я серьезно боленъ и испытываю нестерпимую боль, а вы меня упрекаете, развѣ можно такъ обращаться съ больнымъ человекомъ?» и еще сильнѣе заплакалъ. Александръ Васильевичъ увидалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ больнымъ и нервно очень настроеннымъ человекомъ, и что онъ сдѣлалъ ошибку, упрекая его, и въ отвѣтъ на упреки Первухина самъ заплакалъ и сталъ просить его, чтобы тотъ простилъ его за неосторожныя слова, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія огорчить, а тѣмъ болѣе оскорбить больного; оба при этомъ плакали. Конечно, фельдшеръ, свидѣтель этой сцены, проводивъ ректора, сейчасъ же зашелъ въ комнаты студентовъ и рассказалъ имъ, чего онъ былъ свидѣтелемъ. Студенты, слушая этотъ рассказъ, единодушно приходили къ тому выводу, что ихъ «папаша» дѣйствительно не просто прекрасный, а истинно святой человѣкъ.

Въ бытность мою студентомъ Академіи, на третьемъ курсѣ, моими сосоварищами учрежденъ былъ такъ называемый *курсовой судъ* надъ нашими же товарищами-однокурсниками. Дѣло происходило такъ: ректоръ Александръ Васильевичъ и инспекторъ архимандритъ Михаилъ предоставили студентамъ значительную свободу, не вмѣшиваясь непосредственно въ ихъ обычную повседневную жизнь, поскольку она не выступала замѣтно изъ установленныхъ рамокъ. Они старались внушить намъ, что мы уже не маленькіе, не дѣти, сами можемъ опредѣлять свое поведеніе, не нуждаясь въ указкахъ, и что они полагаются на нашу порядочность и довѣряютъ намъ. Конечно, такое отношеніе къ намъ начальства, такое его довѣріе къ намъ большинствомъ высоко цѣнилось, и мы самимъ дѣломъ старались показать, что мы дѣйствительно люди поряд-

дочные и не думаемъ злоупотреблять довѣріемъ къ намъ начальства. Но, къ сожалѣнію, между нами находились и такія лица, которыя готовы были во зло употребить данную намъ свободу. Среди насъ существовалъ кружокъ нашихъ товарищей (хотя и очень небольшой), которые не любили правильно заниматься дѣломъ, а занимались нерѣдко выпивкой, игрой въ карты, при чемъ спорили, ссорились, шумѣли и тѣмъ мѣшали заниматься другимъ, отвѣчали дерзостями и оскорбленіями на обращенныя къ нимъ замѣчанія товарищей. Тогда у насъ естественно возникъ вопросъ: какъ обуздать и обезвредить этихъ лицъ? Въ отвѣтъ на это и явилось у насъ учрежденіе товарищескаго суда, такъ какъ о жалобахъ и доносахъ на товарищей началству никто и не думалъ; все рѣшено устроить самимъ. Собравшись всѣмъ курсомъ и избравъ изъ среды своей предсѣдателя, мы занялись выработкой обязательныхъ для всѣхъ правилъ съ тѣмъ, чтобы нарушителей ихъ подвергать студенческому суду. Между прочимъ, рѣшено было, что съ пяти часовъ вечера вплоть до ужина (до 8 часовъ) въ занятныхъ комнатахъ никто не имѣетъ права не только шумѣть, но и разговаривать, чтобы не мѣшать заниматься другимъ. Кто хочетъ бездѣльничать, разговаривать и шумѣть, тѣ должны были уходить въ спальни, которыя въ это время были совсѣмъ пустыми, и тамъ могли дѣлать что угодно, такъ какъ никому тамъ не мѣшали. Въ спальни мы обыкновенно приходили и ложились спать въ одиннадцатомъ часу ночи и могли съ общаго согласія вести здѣсь разговоры, но только до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не заявлялъ, что онъ хочетъ спать, и тогда разговоръ немедленно долженъ былъ прекратиться, и всѣ ложились спать. Всякій, являвшійся въ спальню позже, долженъ былъ проходить тихо, молча, осторожно, никакъ не беспокоя товарищей. Эти правила относительно занятій и сна соблюдались нами все время довольно строго и обезпечивали намъ спокойствіе и тишину во время занятій и ночного отдыха. Сами студенты наблюдали за поведеніемъ своихъ со товарищей въ стѣнахъ Академіи, не допуская между ними ссоръ и взаимныхъ оскорбленій. Между нами былъ, однако, одинъ товарищъ очень грубаго и задорнаго характера, любившій къ тому же выпить, который не считался съ нашими «обязательными постановленіями». Отъ него многимъ порядочно доставалось, но до поры до времени его грубыя и оскорбительныя выходки терпѣли. Наконецъ, грубо-непозволительное и къ тому же безпричинное оскорбленіе одного товарища вывело всѣхъ изъ терпѣнія, и его рѣшено было отдать подъ судъ. Собрались всѣ товарищи, выяснили дѣло и объявили виновному такое постановленіе товарищескаго суда: онъ, виновный, долженъ удалиться на два мѣсяца съ курса, жить внѣ его, гдѣ хочетъ: можетъ ѣхать на два мѣсяца домой, можетъ нанять

временную квартиру себѣ въ посадѣ и, наконецъ, можетъ сказаться больнымъ и два мѣсяца прожить въ академической больницѣ. Никто изъ товарищей въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ не имѣетъ права ни о чемъ говорить съ нимъ ни подавать ему руки—онъ для нихъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ какъ бы не существуетъ. Виновному, однако, разрѣшалось слѣдующее: онъ можетъ ходить на лекціи и слушать ихъ, но только не имѣетъ при этомъ права разговаривать съ товарищами, онъ можетъ даже явиться къ товарищамъ на курсъ, но только въ томъ исключительномъ случаѣ, если ему нужна для его занятій какая-либо книга или справка,—только въ этомъ исключительномъ случаѣ каждый товарищъ обязанъ или дать ему требуемую книгу или сказать, у кого она находится, но никакіе другіе разговоры съ нимъ не допускались. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ онъ долженъ былъ вступить во всѣ свои студенческія товарищескія права, и когда онъ, дѣйствительно проживъ этотъ срокъ въ академической больницѣ, возвратился изъ изгнанія, товарищи не показали и виду, что съ нимъ произошло что-то особое, и обращались съ нимъ попрежнему, какъ будто его двухмѣсячнаго изгнанія и не существовало. Этотъ случай произвелъ должное впечатлѣніе какъ на самого провинившагося, такъ и на всѣхъ, которые способны были вести себя по отношенію къ товарищамъ несдержанно и рѣзко вызываяще,—всѣ они присмирѣли, и мы до самаго окончанія курса въ Академіи жили въ мирѣ и тишинѣ. Понятно само собой, что ректоръ Александръ Васильевичъ отлично зналъ объ учрежденіи у насъ товарищескаго суда, о двухмѣсячномъ изгнаніи нами одного изъ товарищей, и, конечно, вполне сочувствовалъ возникшему у насъ учрежденію, которое безъ всякаго непосредственного участія начальства водворяло и поддерживало въ нашей студенческой жизни извѣстный порядокъ и спокойствіе. Официально же начальство дѣлало видъ, что оно ничего не знаетъ о существованіи студенческаго самосуда.

Александръ Васильевичъ всегда близко стоялъ ко всѣмъ студентамъ, а къ нѣкоторымъ въ особенности, такъ какъ велъ съ ними періодически правильныя бесѣды. Это были такъ называемые *старшіе*. Въ мое время, какъ, конечно, и сейчасъ, опредѣленныя группы студентовъ занимали опредѣленныя комнаты для своихъ занятій, называемыя занятными, которыя были подъ номерами, и опредѣленныя комнаты для спаленъ. Во главѣ каждой группы студентовъ, т.-е. каждого номера—занятной и спальни—назначался начальствомъ особый старшій, который былъ главою и представителемъ группы, слѣдилъ за порядкомъ въ своемъ номерѣ, во время занятныхъ часовъ долженъ былъ не допускать шума и вообще всего, что мѣшало студентамъ заниматься, былъ представителемъ и ходатаемъ

за своихъ сожителей предъ начальствомъ и т. п. Всѣхъ занятныхъ комнатъ было тогда у насъ семь и, слѣдовательно, было семь старшихъ. Послѣдніе по очереди каждый день послѣ студенческаго ужина должны были являться къ ректору и докладывать ему {о состояніи студенчества и, если нужно, о его желаніяхъ, требованіяхъ, неудовольствіяхъ по какому-либо случаю и т. п. Въ теченіе двухъ лѣтъ я былъ старшимъ въ одномъ изъ студенческихъ номеровъ и, слѣдовательно, разъ въ недѣлю обязательно являлся къ ректору съ докладомъ. Нужно замѣтить, что самъ Александръ Васильевичъ всегда обѣдалъ и ужиналъ въ одно время съ студентами; билъ звонокъ студентамъ къ обѣду, за обѣдъ садился у себя и Александръ Васильевичъ. Точно такъ же по студенческому звонку онъ и ужиналъ. Когда очередной, или, какъ его называли, дежурный старшій, поужинавъ, являлся къ ректору, Александръ Васильевичъ охотно вступалъ въ разговоръ съ дежурнымъ старшимъ, и иногда, если собесѣдники попадали на интересную тему, эти бесѣды продолжались довольно долго. Говорили рѣшительно обо всемъ, такъ какъ самые доклады о положеніи или состояніи студенчества обыкновенно были стереотипны: все обстоитъ попрежнему благополучно. Александръ Васильевичъ спрашивалъ своихъ собесѣдниковъ и объ ихъ родинѣ и родителяхъ, въ какомъ училищѣ и семинаріи они учились и какъ учились, каковы у нихъ были преподаватели, какая бібліотека, что читали, чѣмъ особенно занимаются и интересуются въ Академіи, какія книги по преимуществу теперь читаютъ и т. п. Иногда разговаривали по поводу тѣхъ или другихъ газетныхъ извѣстій и слуховъ, о тогдашнихъ современныхъ событіяхъ. Однажды Александръ Васильевичъ, обычно бесѣдуя со мной во время моего дежурства, вдругъ спросилъ меня: а знаю ли я новаго учителя Виѣанской семинаріи (въ которой я учился) Хр. Мих. Соколова, недавно поступившаго въ Виѣанскую семинарію? Я отвѣтилъ, что не знакомъ съ нимъ, но въ лицо его знаю. Тогда онъ, нѣсколько волнуясь, говорилъ мнѣ: «Почему ректоръ вашъ, т.-е. Виѣанской семинаріи (архимандритъ Сергій, вполнѣдствіи епископъ Костромской, авторъ книги «Восточный мѣсяцесловъ») не хорошо относится къ Соколову, гонитъ его и притѣсняетъ?» Я отвѣтилъ, что не знаю, хотя кое-что и слышалъ объ этомъ. Тогда Александръ Васильевичъ съ горячностью сталъ говорить мнѣ: «Не хорошо такъ поступаетъ о. Сергій, не слѣдуетъ ему гнать и преслѣдовать Соколова. Я вамъ скажу, что такое за человѣкъ этотъ Соколовъ. Онъ писалъ кандидатское сочиненіе на тему: «О вѣчности мученій». Въ своемъ сочиненіи онъ доказывалъ, что ученіе о вѣчности мученій не согласно съ представленіемъ о Богѣ, какъ существѣ всеблагомъ, милосердномъ, любящемъ свое созданіе, что милосердный Творецъ

человѣка не можетъ его вѣчно мучить за временные грѣхи, часто совершенные даже несознательно, только въ силу данной обстановки окружающихъ даннаго человѣка обстоятельствъ, что такая жестокая расплата Бога съ человѣкомъ недостойна Бога и что поэтому латинское ученіе, признающее чистилище, благодаря которому и всѣ грѣшники достигнуть блаженства, гораздо лучше и вѣрнѣе ученія православнаго. «Я,—говорилъ Александръ Васильевичъ,—прочитавши это сочиненіе Соколова, призвалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько вечеровъ, стараясь убѣдить его въ ошибочности его воззрѣній. Онъ энергично защищался. Нужно де замѣтить, что Соколовъ человѣкъ умный, усиленно занимающійся, человѣкъ искренно вѣрующій и очень благочестивый и въ то же время крайне нервный и вообще человѣкъ не отъ міра сего (онъ вскорѣ серьезно захворалъ и умеръ). Когда онъ защищалъ свои воззрѣнія,—говорилъ Александръ Васильевичъ,—онъ весь дрожалъ, особенно дрожали его руки, и въ каждомъ его словѣ слышались искренность, убѣжденность и самая горячая вѣра. Такихъ лицъ нужно не гнать и преслѣдовать, а обращаться съ ними бережно, ласково и осторожно, разумно убѣждать ихъ, а не грозить имъ кулаками, которыхъ они въ душѣ, какъ люди искренніе и убѣжденные, и не боятся. Не хорошо поступаетъ о. Сергій».—Такъ терпимо, такъ истинно-христіански относился Александръ Васильевичъ къ своимъ и заблуждающимся ученикамъ, особенно когда видѣлъ, что эти заблуждающіеся—люди честные, искренніе, нравственные, требующіе осторожнаго разумаго лѣченія, а не кары, наказанія и преслѣдованія¹⁾).

Когда я въ 1868 году поступилъ въ Академію, студенты раздѣлялись на два двухгодичные курса: на младшій курсъ (два года) и старшій курсъ (тоже два года). Когда я съ младшаго перешелъ на старшій курсъ, введенъ былъ въ Академію новый уставъ 1870 года, который раздѣлилъ студентовъ на четыре одногодичные курса, и я сдѣлался не студентомъ старшаго курса, какъ было прежде, а третьекурсникомъ. Этотъ новый уставъ, раздѣлившій студентовъ на четыре курса и каждый курсъ подраздѣлившій на три группы, сообразно

¹⁾ Одинъ изъ товарищей проф. Н. Ѳ. Каптерева по семинаріи и Академіи С. Д. Л-скій: сообщаетъ «Хрисанфъ Михайловичъ Соколовъ поступилъ въ Виѣанію наставникомъ патрологіи въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Читалъ лекціи дѣйствительно въ либеральномъ стилѣ. Ректору архим. Сергію пришлось быть у него на урокъ, когда онъ разбиралъ полемику св. Аѳанасія Великаго съ Аріемъ, при чемъ изволилъ себѣ слишкомъ критически отнестись къ отвѣтамъ св. Аѳанасія на возраженія Арія, указывая, что они были вовсе не убѣдительны для послѣдняго. Слушалъ Сергій и, наконецъ, не выдержавъ,—поднялся, застучалъ тростью и обратился къ преподавателю съ такою приблизительно репликой: «Гдѣ вы преподаете? Въ Тюбингенской школѣ? У насъ здѣсь Виѣанская семинарія, и объ отцахъ Церкви такъ отзываться нельзя. Нужно измѣнить методъ преподаванія...» Даже намъ, семинаристамъ, эта реплика показалась безтактной, и неопытнаго, молодого преподавателя можно было направить на истинный путь, пригласивши его къ себѣ... Сергій достигъ того, что Хр. Мих. былъ уволенъ изъ семинаріи».—Пр. Н. Д.

тѣмъ тремъ специальнымъ группамъ наукъ, изъ которыхъ каждый студентъ долженъ былъ избирать себѣ одну для спеціального изученія, вначалѣ вызвалъ у насъ нѣкоторое замѣшательство и привелъ въ смущеніе Александра Васильевича. Дѣло въ томъ, что изъ канцеляріи Синода потребовали, чтобы студенты кандидатское сочиненіе писали на третьемъ уже курсѣ, такъ, чтобы степень кандидата получалась студентомъ при переходѣ на четвертый курсъ, который предназначался для сдачи спеціального магистерскаго экзамена и для подготовки магистерской диссертациі. Александръ Васильевичъ рѣшительно воспротивился этому синодскому распоряженію, находя его прямо вреднымъ для дѣла академическаго образованія. И мнѣ лично онъ говорилъ: «Если вы кандидатское сочиненіе будете писать на третьемъ курсѣ, то, значить, учиться-то въ Академіи какъ слѣдуетъ вы будете только два года, такъ какъ, занимаясь на третьемъ курсѣ писаніемъ кандидатскаго сочиненія, вы сосредоточите на немъ все ваше вниманіе и обязательно будете манкировать посѣщеніемъ лекцій. Потомъ, при переходѣ на четвертый курсъ, вы сдѣлаетесь кандидатами, но чѣмъ же большинство изъ васъ будетъ заниматься четвертый годъ, что оно будетъ дѣлать? Всѣмъ хорошо извѣстно, что значительное большинство студентовъ не только не думаетъ, но даже и не мечтаетъ о магистерствѣ; слѣдовательно, оно не будетъ на четвертомъ курсѣ готовиться къ магистерскимъ экзаменамъ, а тѣмъ болѣе не подумаетъ чѣмъ-либо заняться для подготовки магистерской диссертациі. Очевидно, весь четвертый годъ большинство студентовъ будетъ просто бездѣльничать, ничего не дѣлать, что, конечно, будетъ крайне вредно и пагубно отражаться не только на самихъ ничего не дѣлающихъ четверокурсникахъ, но и на всемъ вообще студенществѣ. Поэтому я не допущу, чтобы писали кандидатское сочиненіе на третьемъ курсѣ». Такъ въ дѣйствительности и было, какъ говорилъ Александръ Васильевичъ. На третьемъ курсѣ и ранѣе мы писали только обычные семестровыя сочиненія, а кандидатскія не писали. Наступили экзамены, и неожиданно пришло въ Академію требованіе изъ Синода, чтобы по окончаніи экзаменовъ туда немедленно высланы были отмѣтки кандидатскихъ сочиненій на нашемъ курсѣ, т.-е. отмѣтки на тѣхъ кандидатскихъ сочиненіяхъ, которыхъ мы вовсе не писали. Это синодское требованіе произвело страшный переполохъ въ Академіи. Гдѣ взять отмѣтки на сочиненія, которыя вовсе нами не писались? Думали, гадали и, наконецъ, нашли выходъ. Собрали всѣ семестровыя сочиненія, какія мы писали на третьемъ курсѣ (обыкновенно мы писали въ годъ по три семестровыхъ сочиненія, по тремъ разнымъ предметамъ) и взяли у каждого студента лучшее изъ его трехъ сочиненій, признали его кандидатскимъ и отмѣтки по этимъ сочинені-

ямъ отослали въ Синодъ, какъ отмѣтки на кандидатскихъ сочиненіяхъ. Такъ неожиданно мы, не писавши кандидатскаго сочиненія, сдѣлались, однако, кандидатами. Но Александръ Васильевичъ не далъ намъ бездѣльничать четвертый годъ. Онъ рѣшительно заявилъ намъ, чтобы мы всѣ писали на четвертомъ курсѣ магистерское сочиненіе, которое для большинства будетъ собственно кандидатскимъ. Кто не будетъ писать, тому онъ не выдастъ кандидатскаго диплома, и такой не получитъ сколько-нибудь порядочнаго мѣста по окончаніи курса. Въ то время окончившихъ курсъ Академіи назначалъ на мѣста въ разныя духовныя учебныя заведенія академическій совѣтъ и, главнымъ образомъ, ректоръ, такъ что любого студента онъ могъ назначить куда хотѣлъ, т.-е. на хорошее мѣсто въ хорошій городъ или на плохое мѣсто въ плохой, глухой городишко. Поневоля и на четвертомъ курсѣ мы засѣли за работу, хотя формально мы были уже кандидатами.

Я съ своей стороны рѣшилъ писать магистерское сочиненіе по русской церковной исторіи. Евгеній Евсигнеевичъ Голубинскій далъ мнѣ тему: «Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси», сказавъ, что этотъ вопросъ доселѣ совершенно обходился въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, и что если я какъ слѣдуетъ его разработаю, онъ охотно дастъ мнѣ за эту работу степень магистра. Я взялъ у Голубинскаго разные печатные акты и документы и немедленно энергично принялся за работу, которой незамѣтно увлекался все болѣе и болѣе, такъ что весь четвертый курсъ просидѣлъ надъ разработкой данной темы и уже къ концу года, основательно ознакомившись съ документальными данными, я довольно ясно видѣлъ, какъ мнѣ слѣдуетъ вести дальнѣйшую работу, или, точнѣе, обработку собраннаго и собираемаго матеріала, чтобы изъ моей работы вышло нѣчто цѣльное и хотя бы и относительно научно цѣнное. Само собою понятно, что продолжая, въ качествѣ дежурнаго старшаго, являться къ Александру Васильевичу, я сразу же повелъ съ нимъ разговоръ по взятой мною темѣ объ изучаемыхъ источникахъ, о своихъ планахъ по обработкѣ и распредѣленіи изучаемаго матеріала. Александръ Васильевичъ, самъ любившій русскую церковную исторію и спеціально занимавшійся изученіемъ особенно ея рукописныхъ источниковъ, которые онъ такъ прекрасно описалъ, заинтересовался взятою мною темою. Конечно, онъ прежде всего разспросилъ, какіе у меня сейчасъ подъ руками находятся источники. Я сказалъ. Тогда онъ сейчасъ же замѣтилъ, что въ его личной бібліотекѣ, вѣроятно, найдутся и другіе, мнѣ нужные источники, какихъ у меня нѣтъ, что онъ поищетъ ихъ и пришлетъ мнѣ. И съ этого времени Александръ Васильевичъ всегда присылалъ мнѣ всѣ тѣ книги и документы, въ ко-

торыхъ, по его мнѣнію, можно было найти что-либо, имѣющее отношеніе къ моей темѣ. Въ бесѣдахъ со мною онъ дѣлалъ замѣчанія по поводу тѣхъ или другихъ моихъ сужденій, иногда оспаривалъ ихъ и, замѣчая въ моихъ знаніяхъ пробѣлы по русской церковной исторіи, сейчасъ же давалъ мнѣ какую-либо книгу или изслѣдованіе, чтобы я прочелъ его и пополнилъ свои скудныя студенческія познанія. Понятно, что наши бесѣды вращались уже не только около моей темы, но касались и разныхъ другихъ вопросовъ по русской исторіи, что значительно расширяло мой кругозоръ, тѣмъ болѣе, что Александръ Васильевичъ, какъ я сказалъ, всегда не прочь былъ сейчасъ же вручить мнѣ книжку, чтобы я прочелъ въ ней о томъ-то и о томъ-то. Когда я окончилъ курсъ въ Академіи, мнѣ предложено было остаться приватъ-доцентомъ, чтобы читать лекціи по русской церковной исторіи вмѣсто Евгенія Евсигнеевича Голубинскаго, который получилъ тогда годичную командировку въ славянскія земли для личнаго ознакомленія съ тогдашнимъ положеніемъ славянской православной Церкви. Вѣроятно, предложеніе въ Совѣтъ оставить меня при Академіи сдѣлалъ Александръ Васильевичъ, хорошо знавшій меня и мои занятія по русской церковной исторіи. Александръ Васильевичъ сказалъ мнѣ, что я буду читать въ недѣлю только двѣ лекціи, и что вмѣсто обычныхъ пятидесяти минутъ я могу читать лекціи, какъ эпизодическія, только по получасу, такъ какъ де Голубинскій, по возвращеніи изъ-за границы, все равно будетъ читать полный курсъ исторіи, и каждый интересующійся студентъ можетъ послѣ прослушать его чтенія. Такимъ образомъ лекціи не могли отнять у меня много времени отъ обработки моей магистерской диссертациі. Чрезъ полтора года своей приватъ-доцентуры я, наконецъ, окончилъ свою диссертацию и вручилъ ее для прочтенія возвратившемуся изъ-за границы Евгенію Евсигнеевичу Голубинскому. Тотъ нашелъ, что моя диссертациа написана хорошо, что можно ее напечатать, и что онъ, съ своей стороны, готовъ дать мнѣ за нее степень магистра. Я сообщилъ объ этомъ Александру Васильевичу, и онъ потребовалъ диссертацию себѣ для просмотра. Я зналъ, что значить со стороны Горскаго просмотрѣть диссертацию. Дѣйствительно, онъ взялъ всѣ имѣвшіяся у меня книги по предмету моей диссертациі и тщательно ее провѣрилъ. Мнѣ пришлось потомъ, въ частной бесѣдѣ, выслушать отъ него разныя возраженія, защищать свои положенія и взгляды, документально доказывать ихъ справедливость, или же, гдѣ я сказывался не совсѣмъ состоятельнымъ, дѣлать нѣкоторые исправленія. Наконецъ, все было пересмотрѣно и провѣрено, и онъ разрѣшилъ печатать мою диссертацию. Когда моя книга прошла чрезъ Совѣтъ, какъ магистерская диссертациа, и диспутъ былъ назначенъ на 15-е

октября 1874 года, т.-е. ровно 40 лѣтъ тому назадъ, Александръ Васильевичъ призвалъ меня и потребовалъ, чтобы я написалъ такъ называемые тезисы, или главныя и основныя положенія своей диссертациі, какія я долженъ былъ защищать на диспутѣ. Я написалъ одиннадцать тезисовъ. Александръ Васильевичъ крайне внимательно прочиталъ ихъ, требуя отъ меня отчета буквально въ каждомъ словѣ и выраженіи тезисовъ. Наконецъ, и они были напечатаны, пройдя его строгую цензуру. Тогда онъ обратился ко мнѣ съ такимъ заявленіемъ: «Вашими официальными оппонентами назначены такіе первоклассные знатоки русской исторіи, какъ Голубинскій и Ключевскій; поэтому вамъ необходимо быть во всеоружіи, чтобы достойно отвѣчать на ихъ возраженія. Въ виду этого и прошу васъ, до диспута еще порядочно времени, снова пересмотрѣть всѣ матеріалы и документы, на основаніи которыхъ написано ваше изслѣдованіе». Это требованіе Александра Васильевича казалось мнѣ совершенно излишнимъ, такъ какъ онъ самъ на дѣлѣ видѣлъ, что я хорошо изучилъ и знаю источники и что я ничего не бралъ въ свою книгу изъ вторыхъ рукъ безъ провѣрки первоисточниками. Я было воспротивился исполнить желаніе Александра Васильевича, но онъ сказалъ мнѣ: «Я все-таки прошу васъ исполнить мою просьбу, и вы дайте мнѣ слово, что немедленно исполните мое желаніе». Сопротивляться долѣе было невозможно, и я немедленно обложилъ книгами и снова перечиталъ всѣ документы, по которымъ составлено было мое изслѣдованіе. А такъ какъ приближалось время диспута, то я написалъ и ту рѣчь, какую долженъ былъ сказать предъ началомъ диспута. Пришелъ къ ректору и сообщилъ ему, что желаніе его исполнено: мною вновь прочитаны всѣ использованные мною въ книгѣ документы. Александръ Васильевичъ поблагодарилъ меня за исполненіе его желанія и затѣмъ спросилъ меня: приготовилъ ли я рѣчь, какую мнѣ нужно говорить предъ диспутомъ? Я отвѣтилъ, что приготовилъ. Тогда онъ спросилъ: «о чемъ и что именно я буду говорить?» Я въ короткихъ словахъ рассказалъ содержаніе своей предполагаемой рѣчи. Онъ спросилъ меня: «А рѣчь у васъ уже?» Я отвѣтилъ: «Да, написана». Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Дайте мнѣ ее посмотрѣть». Очень хорошо я зналъ, что значить со стороны Александра Васильевича посмотрѣть мою рѣчь. Это значило, что онъ процѣдитъ въ ней каждую мою фразу. Долженъ сознаться, что это требованіе Александра Васильевича произвело на меня крайне удручающее впечатлѣніе: онъ, казалось, не вѣрилъ мнѣ, думалъ, что безъ его цензуры я не могу сказать и рѣчи какъ слѣдуетъ, и что онъ уже слишкомъ нагнетаетъ на меня. Онъ отлично замѣтилъ и понялъ мое удрученное состояніе и ласково-доброжелательно сталъ говорить мнѣ: «Вы думаете, что я слишкомъ придираюсь и какъ

будто не довѣряю вамъ. Признаюсь, что я дѣйствительно придиричь къ вамъ, но на такой образъ дѣйствій относительно васъ я имѣю особыя причины и вы сами сейчасъ поймете, что мнѣ необходимо именно такъ дѣйствовать, когда я вамъ объясню, въ чемъ тутъ заключается дѣло. Вы знаете,—говорилъ Александръ Васильевичъ,—что доселѣ въ Академіи степень магистра всегда давалась за рукописныя сочиненія и никакихъ диспутовъ ранѣе въ Академіи не было. Теперь вамъ первому степень магистра будетъ дана за печатное сочиненіе, доступное всѣмъ и каждому, каждый можетъ его прочитать, и степень вамъ будетъ дана только послѣ публичной защиты, на которой можетъ присутствовать всякій посторонній человѣкъ, вовсе и не принадлежащій къ Академіи,—вы будете у насъ въ Академіи первый магистръ, получающій ученую степень за печатное сочиненіе и послѣ публичной защиты. Понятно, что вашъ диспутъ, какъ первый въ нашей Академіи, какъ небывалое доселѣ дѣло, явятся посматрѣть и послушать очень много охотниковъ, не только мѣстныхъ, но, вѣроятно, пріѣдутъ и изъ Москвы, вѣроятно даже, что вашъ диспутъ, какъ новинка въ нашей Академіи, будетъ описанъ въ газетахъ (что дѣйствительно и было). Очевидно, по вашему диспуту всѣ будутъ судить, какъ это новое дѣло поставлено въ нашей Академіи. Поэтому,—говорилъ Александръ Васильевичъ,—достоинство и честь нашей Академіи требуетъ, чтобы не только ваша диссертация была хорошимъ, безъ серьезныхъ дефектовъ, научнымъ изслѣдованіемъ, но чтобы и вашъ диспутъ прошелъ вполне гладко и хорошо». Теперь я вполне понялъ показавшіяся нѣсколько придиричьими отношенія ко мнѣ глубокочтимого Александра Васильевича; онъ ревновалъ о достоинствѣ и чести любимой имъ Академіи, онъ хотѣлъ и употреблялъ съ своей стороны всѣ зависящія отъ него усилія и мѣры, чтобы воспитанники его Академіи, выступая публично на судъ публики съ своими научными работами, были способны поддержать научное достоинство и честь воспитавшей ихъ Академіи. Прощаясь со мною послѣ этого разговора, происходившаго незадолго до диспута, Александръ Васильевичъ, улыбаясь, говорилъ мнѣ: «Я обращаюсь къ вамъ еще съ одной и послѣдней просьбой: дайте мнѣ слово, что вы не будете вечеромъ наканунѣ диспута заниматься, а весь вечеръ, не дотрогиваясь до книжекъ, прогуляете на свѣжемъ воздухѣ и обязательно ляжете спать не позже десяти часовъ. Еще совѣтую во время диспута держаться спокойно и не волноваться, диспутъ собственно для васъ не страшенъ, такъ какъ вы подготовились къ нему основательно». Дѣйствительно, мой диспутъ прошелъ гладко и хорошо, что весело и замѣтилъ мнѣ Александръ Васильевичъ, поздравляя меня послѣ диспута съ полученіемъ степени магистра.

Такъ ревновалъ всегда Александръ Васильевичъ о достоинствѣ и чести своей Академіи, и если нѣкоторые иногда находили его очень строгимъ и требовательнымъ по отношенію къ академическимъ научнымъ работамъ и даже придирчивымъ, то это объяснялось вовсе не его желаніемъ какъ-либо унижить чужую ученую работу, показать свое ученое превосходство надъ другими, а единственно его всегдашнюю ревностью о достоинствѣ и чести Академіи. Конечно, такіе люди, какъ Александръ Васильевичъ, бываютъ рѣдки, но зато ихъ вліяніе на окружающихъ бываетъ сильно, широко и продолжительно, тѣмъ болѣе, что подъ его прямымъ воздѣйствіемъ воспиталось много сотенъ молодыхъ людей, изъ среды которыхъ вышли потомъ общественные дѣятели на всевозможныхъ поприщахъ. Да и по смерти Александра Васильевича его духъ и направленіе, какіе онъ давалъ всей академической жизни, надолго остались въ Академіи и, вѣроятно, не совсѣмъ вымерли и сейчасъ.

Проф. Н. Кантеревъ.
